БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)
КП
9393

УЧТЕНО
1949

Цѣна № 25 коп.

«Дух разрушающій есть созидающій дух».

РАБОЧЕЕ ЗНАМЯ

Адрес Конторы и Редакціи:
Гороховая, д. № 42.
Тел. 158-64.
Конт. откр. от 12—8 ч. веч.
Секретарь редакціи принимает ежедневно от 2—5 ч. веч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

за 1 мѣсяц	5 руб.
„ 2 „	9 „
„ 3 „	12 „

Перемѣна адреса 40 коп.
Подписка принимается с 1-го чис. кажд. мѣс.

Орган Петроградских Анархистов-Коммунистов.

№ 1. Вторник 30-го Января 1918 года. № 1.

Извѣщеніе.

На общем собраніи федераціи анархических групп 21 января 1918 г. редакціонная коллегія газеты „Буревѣстник“, вслѣдствіе глубоких идейных и тактических разногласій с нѣкоторыми, избранными Собраніем, новыми членами коллегіи, в своем полном составѣ, именно: Александра Ге, Б. Верхоустинскаго, А. Карелина, Н. Солнцева, вышла из „Буревѣстника“

Слѣдующіе товарищи также вышли из состава сотрудников „Буревѣстника“:

Т. Піо-скій (Безвластьев), Рабочій Жак, Мамонт Дальскій, Ѳ. Куклярскій, К. Фамулевич, Кочегаров, Смирнов, А. Гольде, Овод, Григорьев, Полевой, Горшков, Рымденко, Андрюнин, Амосов, А. Федоров и Долинин.

Рабочее Знамя.

Мы приступаем к изданію «РабочагоЗнамени» в самый грозный, самый рѣшительный час Революціи. И приступаем к нему в полном сознаніи той громадной исторической отвѣтственности, которая лежит на каждом из нас, как активных творцах новой жизни.

Каждое новое завоеваніе Революціи трудящимися массами, каждый новый шаг вперед это—громадное пріобрѣтеніе для революціоннаго народа. Но ни одно из частичных пріобрѣтеній не должно знаменовать собою длительной остановки, Каждое из них—лишь кратковременный этап, лишь небольшая передышка, необходимая для отдыха и и для новаго собиранія сил. Частичныя пріобрѣтенія, маленькія завоеванія—не самоцѣль, а лишь вынужденыя переходныя вѣхи. Цѣль-же—полное освобожденіе от всѣх видов гнета: политическаго, экономическаго и духовнаго. Цѣль—соціальное возрожденіе в Анархіи, как общественном строѣ, основанном на свободном договорѣ между вольными людьми и вольными общинами, свободно, по собственному соглашенію устанавливающими нормы и формы своей жизни.

Соціалистическій Интернаціонал погиб. Он погиб потому, что опирался на минимальную программу,—потому что он превратил частичныя завоеванія в самоцѣль. Он не боролся за уничтоженіе капиталистическаго общества, а лишь за реформы в рамках этого общества. Вмѣсто классовой непримиримости и неустанной классовой борьбы он придерживался тактики классоваго сотрудничества.

Политика классоваго сотрудничества, заставив соціалистов-государственников повсемѣстно принять за обязательную норму и также военное сотрудничество со своей буржуазіей, окончательно погубила лицемѣрно называвшій себя соціалистическим Интернаціонал. Присоединеніе соціалистов к величайшему преступленію против рабочаго класса, когда-либо затѣянному эксплуатирующими классами,—к международной войнѣ,—наконец открыло глаза трудящимся всѣх стран и они увидѣли, что соціал-демократія, которой они довѣрялись, на самом дѣлѣ не защитница их, а их враг,—враг не менѣе опасный и заклятый, чѣм буржуазія.

Жестокій, кровавый урок! Но он был исторически необходим трудящимся всѣх стран, чтобы, наконец, заставить их понять, что они шли по неправильному пути. Он был необходим, чтобы заставить трудящихся разстаться с пагубными для них государственническими иллюзіями и отвернуться от создательницы этих иллюзій—международной соціал-демократіи.

Событія имѣют громадное воспитательное значеніе и часто научают большему, чѣм самая упорная и длительная словесная пропаганда. Так случилось и теперь. Старый, ложно-революціонный Интернаціонал сметен с лица земли. Он погиб от болѣзни, которой страдал с перваго дня своего рожденія,—от болѣзни, которая еще в зародышѣ была привита ему брржуазіей, от классоваго сотрудничества. Он был кровь от крови и плоть от плоти буржуазіи.

Сегодня из нѣдр войны и из глубин Всемірной Революціи, под гул снарядов и грохот пушечных выстрѣлов, подымается во весь свой рост новый, Революціонный Рабочій Интернаціонал. Капиталистическій строй приготовил ему страшное, кровавое крещеніе. Он крещен в братской крови и выходит из купели багровым.

Но еще страшнѣе, еще кровавѣе путь, предстоящій Революціонному Интернаціоналу. Пожар Міровой Революціи, вспыхнувшій в Россіи и сначала только заревом озарившій сосѣднія страны, еще продолжавшія коснѣть в буржуазном безуміи милитаризма, теперь начинает перекидываться всюду, разливается по всему міру и красным пламенем своим зажигает души и умы трудящихся всѣх стран. Новые сонмы трудящихся вовлекаются в Міровую Революцію и обезпечивают ей успѣх и побѣду.

Дух разрушающій есть дух созидающій! Таковы огненныя слова, нынѣ начертанныя на международном Черном Рабочем Знамени. И этот освобождающій клич,—призыв к разрушенію всего стараго, основаннаго на эксплуатаціи, на экономическом и духовном порабощеніи, призыв к уничтоженію Государства, Капитала и Власти,—этот освобождающій клич нынѣ становится общим лозунгом трудящихся всего міра. Послѣдняя борьба загорается и уже не остановится. Не остановится до тѣх пор, пока окончательно, до основанія не будет разбито все старое, чтобы на его дымящихся обломках можно было начать строить Новый Мір,—Мір Анархіи. Мір Свободы, Равенства и Братства.

Рабы всего міра рвут вѣковыя цѣпи. Грозно поднимаются они, выпрямляются во весь свой рост и идут к освобожденію. Идут увѣренно и смѣло, со знаменем Анархіи в освобожденных от оков мозолистых руках.

И это знамя, высоко поднятое россійским авангардом Возставших Народов, нынѣ становится общим знаменем трудящихся всего міра.

Рѣшительный час пробил. Смерть буржуазному строю обезпечена. Торжество Анархіи близко и близко конечное освобожденіе. И во имя этого торжества, во имя конечнаго освобожденія, как радостный предвѣстник близкой побѣды, мы сегодня широко развертываем наше Черное Рабочее Знамя.

Александр Ге.

Девятый Вал.

Ужасная, но сладостно-жуткая картина.. Бушует стихія, грохочет и пѣнится, стонет и мечется. Красота и ужас, и крик и слезы, и проклятья... Откуда и зачѣм эти безумія, к чему этот безудержный разгул?

Большой корабль идет ко дну, а вокруг него все смѣшалось, и не знаешь, есть-ли там, в этой водной мглѣ, еще искра жизни, еще—послѣдняя надежда, послѣдняя мысль...

Но нѣт времени для созерцанія, нѣт душевнаго потрясенія, ибо сам, сидя на рулѣ крохотной скорлупки, напрягаешь послѣднія силы, еще оставленныя тебѣ тюремщиками и тиранами корабля.

Всматриваешься в лицо своих немногих спутников, и безплодно стараешься подсчитать число тѣх дней и ночей неволи и страданій, которые были нашим печальным удѣлом на кораблѣ, теперь идущем на дно, но еще так недавно расточавшем свои сокровища...

Смотришь на горизонт, на свѣтящуюся точку, выпрыгивающую из за пѣнящихся волн, и безумная греза завладѣвает всей душой: туда... туда...

Всмотритесь в черты нашей русской дѣйствительности! Развѣ не эта картина пред вами, развѣ государственный корабль не идет ко дну и развѣ мы, его невольники, не получили от стихіи этот драгоцѣнный дар: свободу?

Да, мы получили этот дар стихіи: свободу. Но теперь мы уже во власти ея, во власти этой самой стихіи, которая освободила нас...

Каждая минута грозит нашей скорлупѣ, а свѣт горизонта так безконечно далек!

На смѣну одной борьбы—борьбы с жестокими владыками Коробля—пришла

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

ная борьба: борьба с безуміем свирѣпой стихіи.

Темная масса грозит ежеминутной катастрофой, темная масса всюду и всегда говорит одним языком: дайте дорогу, посторонитесь!

И вот мы, сидя у руля и напрягая послѣднія силы у весел, пытаемся лавировать, и по дѣтски радуемся всякой удачѣ..

Но уже слышен мрачный ропот морского гиганта—девятаго вала...

Он идет, он движется на нас, и страшной силы удар ожидает нашу скорлупу.

Будем-же готовы, не будем малодушно закрывать глаза, и лицом к лицу встрѣтим смерть или спасеніе!

Ѳ. Куклярскій.

Соціалисты и Коммунары Парижа.

Парижской Коммунѣ 1871-го года повезло в нашей соціалистической прессѣ. И большевики, и меньшевики, и правые соціалисты-революціонеры говорят о ней в своих газетах. Говорят, да не договаривают, говорят иной раз и неправду, как уже было отмѣчено нами в старом „Буревѣстникѣ„.

Недаром все чаще и чаще заговаривают о Коммунѣ, Петроград идет к тому, чтобы стать коммуной, а в непродолжительном времени и Коммуной анархической.

Начнем нашу статью с того, что поговорим нѣсколько слов за господина Мартова (рѣчь его на третьем с'ѣздѣ). Г. Мартов говорил, что первый день Коммуны и ея послѣдніе дни ознаменовались жестокостями. Конечно, мы непримиримые враги, как правительной, так и самосудной жестокости, так как жестокость только мѣшает революціонному размаху народа, обращает его энергію на безполезное занятіе, так как жестокость противорѣчит братству людей. Но во первых, есть жестокость (правительственная, нопримѣр), которая ничем не может быть оправдана, и есть жестокость, которая, несмотря на весь свой вред и безполезность, имѣет за себя смягчающія обстоятельства. Во вторых, Парижскую Коммуну немыслимо обвинять в жестокости. Послѣдніе дни Коммуны ознаменовались отвѣтом на невыносимую, ужасную жестокость правительства—жестокостью не Коммуны, а отдѣльных лиц.

В началѣ возстанія были разстрѣлены два генерала Тома и Леконт. Клеман Тома был ожесточенным врагом народа и в 1898 г. убивал со своими солдатами рабочих Парижа. Во время осады Парижа, наканунѣ провозглашенія Коммуны, он жестоко и несправедливо относился к подчиненной ему національной гвардіи. Он натравливал буржуазные батальоны этой гвардіи на батальоны рабочих. Под ложным предлогом трусости гвардейцев, он распустил тѣ батальоны пролетаріев, героизму которых удивлялись самые ожесточенные враги.

Несмотря на усилія нѣскольких коммунаров спасти его, Тома пал жертвою гнѣва нѣскольких человѣк.

Генерал Меконт пал от солдатских пуль. Его арестовали его же солдаты и разстрѣляли по приговору военнаго суда, столь же беззаконнаго, как и всякій военный суд. Леконт четыре раза приказывал солдатам 18-го линейнаго полка стрѣлять в толпу на площади Пигалль и грубо оскорбил солдат за их отказ стрѣлять в женщин и дѣтей. Утром, в день своей смерти Леконт кричал перешедшим на сторону народа солдатам:—„Ваша пѣсенка спѣта". Всѣ понимали, что он при первой возможности разстрѣляет этих солдат и солдаты разстрѣляли его.

К стыду французов, смертная казнь существует во Франціи и в настоящее время. Вольный Город Париж, Парижская Коммуна отмѣнил смѣртную казнь не дожидаясь распоряженія правительства и отмѣнил ее впервый же мѣсяц существованія Коммуны.

9-го апрѣля батальон національной гвардіи предмѣстья «Темпль» подошел к дому палача, взял гильотину (машину для срѣзанія голов), привез ее на площадь Вольтера, гдѣ, при аплодисментах несмѣтной толпы, гильотина была разбита, а ея деревянныя части были сожжены. Народ не ждал приказа правительства для того, чтобы избавить свой вольный город от позора убійства беззащитных жертв.

Я никогда не видѣл,—говорил о Коммунѣ Артурѣ Арну—собранія людей, которое имѣло-бы такое инстинктивное или сознательное отвращеніе от пролитія крови, такую непобѣдимою антипатію к смертной казни. «Несмотря на неосторожныя рѣчи и на фразы, совершенно противоположнаго характера, вырывавшіяся у нѣкоторых ораторов, в общем Коммуна испытывала ужас перед проливаемой кровью и проклинала смертную казнь».

Даже в ужасныя минуты гибели Парижской Коммуны , Коммуна, ея выборные не пролили крови баззащитных. Растрѣл заложников был ненужным и, конечно, жестоким отвѣтом отдѣльных лиц на варварскіе растрѣлы плѣнных и раненых коммунаров правительством, на убійства женщин, даже сестер милосердія.

Правительство Коммуны издало устрашающій декрет, но не примѣняло его. Заложники погибли, не смотря на протесты видных коммунаров, напримѣр, Варлена. Во всяком случаѣ „в эти дни,—как говорил П. Л. Лавров, о послѣдних днях Коммуны,—погибло всего 64 заложника из 260, в то самое время, как происходило избіеніе версальцами (Правительством) десятков тысяч жителей Парижа."

„Только в самую послѣднюю минуту, послѣдніе защитники революціоннаго дѣла рѣшили, что и им позволительно воздать око за око и зуб за зуб, примѣнив декрет, оставшійся до этого времени мертвой буквой", пишет Л. Дюрейль.

Таковы обстоятельства, при которых немногіе коммунары прибѣгли к жестокости, не принесшей им, впрочем, никакой пользы.

В отдѣльной статьѣ мы проведем сравненіе между Коммуной Парижа и нынѣшним Петроградом, а пока закончим статью указаніем, что ссылок большевистской прессы на К. Маркса, точнѣе, на его книжку о Парижской Коммунѣ, не стоило бы дѣлать. Если бы парижане послушались заявленія Главнаго Руководимаго Марксом, Совѣта Интернаціонала, не бывать бы Парижской Коммунѣ. Этот Совѣт приблизительно за полгода до провозглашенія Коммуны писал:—«всякая попытка к ниспроверженію существующаго (*то есть республиканскаго* *) правительства была бы в виду страннаго кризиса переживаемаго Франціей безуміем".

*) курсив автора.

Въ своей книгѣ о гражданской войнѣ во Франціи, Маркс первый и послѣдній раз в своей жизни заговорил, выражаясь словами Бакунина языком анархизма. Большевики ссылаются не на Маркса теоретика господскаго соціализма, а на Маркса, уроками жизни приведеннаго на кротчайшее время к усвоенію нѣкоторых революціонных принципов Анархизма.

А. К.

Убійство двѣнадцати анархистов

24-го января 1911-го ода.

24-го января 1911-го года правители Японіи обезчестили себя чудовищным преступленіем—удушеніем 12-ти японских анархистов, а именно Денжиро Котоку, его подруги Суга Канно, Нимура, Уаши, Окумійа, Маришика, Матсуво, Мійашита, Наруиши, Фуруката, Ушійамо, Ніими.

Всѣ они погибли с криком:—«Да здравствует Анархія!»

Десять других товарищей анархистов навѣки были брошены в тюрьмы.

Двѣнадцать названных анархистов, один за другим, были задушены на одной висѣлицѣ, причем с подлой жестокостью, послѣдней была задушена женщина Суга Канно.

Всѣ эти товарищи проповѣдывали самодѣятельность наемных рабочих, рабочій саботаж, были противниками военщины (антимилитаристами), указывали на всеобщую забастовку, как на средство, при помощи котораго можно разрушить невыгодное для трудящагося люда капиталистическое общество современной Японіи и замѣнить его об'единеніем вольных союзов и общин.

Их рѣшили задушить под предлогом, что они устроили заговор против жизни императора, но это обвиненіе было ложным. Их убили за то, что они были вольными общинниками—сторонниками рабочих революціонных союзов (анархистами-коммунистами и синдикалистами), за то, что они считали вредным для рабочих современное государство.

В числѣ задушенных товарищей особо настойчивой дѣятельностью отличались двое:—55-ти лѣтній Окумійа, пробывшій 12 лѣт в тюрьмах за свою дѣятельность в пользу рабочих и Денжиро

Гибель старой Культуры и дисциплина анархиста.

I.

Либо мы стоим на краю гибели, либо быстрыми, гигантскими шагами идем к созданію новых невѣдомых доселѣ человѣческих отношеній и условій жизни. И это не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Россія лишь ярче других стран отразила внутреннюю ложь и гнилостное начало современной культуры.

Правда, въ хозяйственном и техническом отношеніи мы отсталый народ, но в области сознанія, в оцѣнкѣ основ нашего бытія мы не только все заимствовали у Европы, но и преодолѣли заимствованное.

Вся наша литература, исключая (да и то с натяжкой) Пушкина—сплошной и непримиримый протест личности, насильственно запряженной в колесницу прогресса. Лермонтов Достоевскій, Толстой и даже подголоски их, кутающіеся в консервативныя одежды, как Розанов, Бердяев, Мережковскій и т. д. только и занимались тѣм, что почтительнѣйше возвращали билет в царствіе небесное или соціалистическое, если за него приходится платить хотя бы одной слезинкой несправедливо обиженнаго ребенка.

Все сколько нибудь талантливое в Россіи было анархическим.

Можно утверждать, что это дурно, что масса еще не привыкла жить без кнута государственности. Что дѣлать! Анархическое сознаніе масс—неприложный факт. Преодолѣть его нечѣм, даже если бы это сознаніе несло прямую гибель массам.

А потому всѣм, кто еще не потерял голову и способен хоть на секунду прекратить визг животнаго испуга, остается рѣшительно вступить на стезю анархическаго перекраиванія всѣх основ нашей жизни. Всякая другая работа будет безплодной, ибо дохнувшіе истинной свободой даже при желаніи своем не могут стать рабами

Чтобы вѣрнѣе нащупать эти основы необходимо точно подвести итог мѣрам и вѣсам прошлаго. Надо ясно видѣть, куда направлено жало революціи. В европейской культурѣ ярко подчеркнут момент поглощенія личности коллективом—Богом, міром, обществом, государством, націей, семьей и навязанным извнѣ законом, божеским или человѣческим. Поглощеніе обосновывалось всегда благом личности, но отнюд не живой личности Петра, Ивана, Сидора, а мифической личности, соотвѣтствующей опредѣленным нравственным и другим требованіям „добрых нравов".

Как только личность выпрыгивала за черту этих нравов, она тотчас же лишалась всякой общественной значимости,—если ее не арестовывали и не казнили, то во всяком случаѣ об'являли мертвой для общечеловѣческаго дѣла.

У государственников, соціалистов и имперіалистов было твердое убѣжденіе, что мы стройными организованными рядами пойдем к какому то благополучному концу міра. В нашем шествіи будем разрушать старыя формы общественности и провозглашать новыя. Закон, умер да здравствует закон! Жизнь людей без норм и общественных идеалов казалась невозможной. И природу и даже безсмертную человѣческую душу мы не в состояніи были мыслить без связи с законами либо механическими, либо божественными. Отсюда наша вѣра в порядок и закон, который предписывает должное поведеніе—была безгранична.

Ради должнаго мы забывали о себѣ. Во имя себя мы ничего не дерзали дѣлать, а лишь требовали во имя новой правды, во имя новаго закона.

Требовали, вмѣсто того чтобы творить. Это и понятно. Нас цѣликом поглощало **нѣчто**, составной частью котораго мы являлись, и это **нѣчто** предписывало нам свои цѣли и заставляло смотрѣть на них, как на наши собственныя. Всѣ возможныя свободы личности, которыя дает нам европейская культура, представляют собою резину. Один конец ея привязан к шеѣ человѣка, другой к полицейскому участку. Свобода демократическая всегда мыслится в предѣлах закона. Призрачность этой свободы и внутренняя ложь в міровом масштабѣ могли быть вскрыты только всеобщей бойней народов.

Причем главное здѣсь вовсе не экономическія потрясенія, а то, что армія, полиція и закон соединились в одной точкѣ, имя которой-народ. Это—небывалое в исторіи міра явленіе. Никогда еще народ с такой ясностью не ощущал, что закон и государство при всѣх условіях держатся рабством и гнетом.

Обычно карательный аппарат, охраняющій законы государства, и народ были раз'единены и при том так, что хотя законы издавались и «для блага народа», но народ, как единое цѣлое не издавал их, а лишь понуждался к их исполненію, то есть рабски исполнял волю самодержцев или продажных избранников.

Когда же в Россіи все взрослое населеніе стало под винтовку и фактически стало единственным полицейским аппаратом охраняющим закон, то сразу же выяснилось, что казарма и полицейскій участок несовмѣстимы с истинной свободой Законодательство стало немыслимо.

За время революціи и связанных с ней опытов соціалистической государственности обнаружилось, что народ сам по своей по доброй волѣ не мог наложить никакого ярма и неукоснительно шел к анархіи, ибо она—единственный путь свободы.

Его остерегали от этой „пропасти". Свобода истинная неизбѣжно влечет гибель нашей воздвигнутой на насиліи, культуры.

Или рабское ярмо—или анархія. Так стоит теперь вопрос.

Но если испуг толкает нас поддерживать культуру, то это весьма не надолго отдаляет от гибели ея. Логика свободы неизбѣжно ведет к анархіи.

Ужас коллективистов и государственников в том, что не только в Россіи, но и в Европѣ все меньше и меньше остается возможностей насильственно водворить даже царство небесное на землѣ.

Всякій коллектив-будь то реализованный соціалистическій строй или царствіе небесное, в концѣ концов ищет такую форму жизни которую бунтующая личность оказалась бы не в состояніи разрушить. «Нѣчто» (Бог, коллектив и т. д. никогда не было так сильно, как в прошлое столѣтіе, ибо личность никогда не вѣрила так беззавѣтно тому, что дѣлается исключительно для ея блага. Еще и теперь сильна эта вѣра.

Европейская философія а за ней и другія науки в том и полагают цѣль своих изысканій, чтобы найти такую точку, которая момент проглоченности личности коллективом ели богом показала бы, как высшей благо личности. Если в погибшей античной республикѣ мы видѣли намек на осуществленіе такого момента в государственности, то, в средніе вѣка это же самое явилось в оффиціальном христіанствѣ.

Ярче и рѣзче всего жажда окончательнаго поглощенія личности коллективом оказалась в ученіи соціализма, который не мог преодолѣть противорѣчія капиталистической культуры.

Противорѣчіе это в слѣдующем: культура об'явила благо человѣка своей цѣлью и в тоже время, в силу присущаго ей государственнаго полицейскаго начала, употребляет его, как средство, как пушечное мясо и удобреніе.

Это противорѣчіе в началѣ XX вѣка почувствовано было не только на вершинах философской мысли, но и в черноземных пластах народа, отозвавшагося на призывы к свободѣ безпощадным разгромом культуры. Нелѣпо думать, что

Котоку (41-го года)—писатель и ученый,—о жизни котораго мы имѣем нѣкоторыя свѣдѣнія. Благодаря указаніям, сдѣланным Котоку и Суга Канно, рабочіе Японіи начали примѣнять, борясь со своими хозяевами за лучшія условія труда, смѣлые пріемы борьбы французских, об'единенных в революціонные союзы „рабочих.

Правители Японіи сочли эту дѣятельность за страшную угрозу современному государству и, потеряв от ярости самообладаніе, рѣшились на убійство.

Сначала Котоку был соціал-демократом и арестованный первый раз «вошел,—говоря его словами,—в тюрьму в Сугано, соціалистом,-марксистом, но вышел из нея анархистом». «Я», пишет он тотчас по выходѣ из тюрьмы,—«видѣл и изучил многих так называемых преступников и пришел к убѣжденію, что правительственныя учрежденія—суды, законы, тюрьмы—являются истинными виновниками и создают бѣдность и преступленія».

Перед русско-японской войной Котоку был редактором ежедневной газеты в Токіо, но отказался от ея редактированія, так как издатели сочли нужным принять по отношенію к Россіи воинственный тон, а противник войны и всякой военщины (антимилитарист) Котоку имѣл мужество не согласиться с ними.

С этого времени он постоянно проповѣдует соціальную революцію и, конечно, его чуть не по пятам преслѣдуют холопы правительства: полицейскіе и судьи.

Котоку, говоря его собственными словами, хорошо понимал, что „открыто проповѣдывать анархію в Японіи, это значит идти навстрѣчу смерти или, по меньшей мѣрѣ, вѣчному заключенію".

Котоку перевел на японскій язык нѣкоторыя сочиненія К. Маркса, антимилитаристическія писанія (бывшаго) соціалиста Эрвэ и нѣкоторыя сочиненія П. А. Кропоткина.

Итак, семь лѣт тому назад были удавлены палачем-душителем; дѣйствовавшим по приказу правителей Японіи, благороднѣйшіе люди этой страны.

Правители Востока стоят правителей Запада!

К.

Война окончена.

ЗАЯВЛЕНІЕ, ОГЛАШЕННОЕ НА ЗАСѢДАНІИ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ 10 ФЕВРАЛЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦІЕЙ:

„ИМЕНЕМ СОВѢТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССІЙСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ НАСТОЯЩИМ ДОВОДИТ ДО СВѢДѢНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВ И НАРОДОВ ВОЮЮЩИХ, СОЮЗНЫХ И НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАН, ЧТО, ОТКАЗЫВАЯСЬ ОТ ПОДПИСАНІЯ АННЕКСІОНИСТСКАГО ДОГОВОРА, РОССІЯ ОБ'ЯВЛЯЕТ СО СВОЕЙ СТОРОНЫ СОСТОЯНІЕ ВОЙНЫ С ГЕРМАНІЕЙ, АВСТРО-ВЕНГРІЕЙ, ТУРЦІЕЙ И БОЛГАРІЕЙ—ПРЕКРАЩЕННЫМ.

РОССІЙСКИМ ВОЙСКАМ ОТДАЕТСЯ ОДНОВРЕМЕННО ПРИКАЗ О ПОЛНОЙ ДЕМОБИЛИЗАЦІИ ПО ВСѢМ ЛИНІЯМ ФРОНТА.

Брест-Литовск, 29 января. В засѣданіи 10 февраля Троцким было оглашено нижеслѣдующее заявленіе.

»Задачей подкомиссіи, как мы ее понимали, являлся отвѣт на вопрос, в какой мѣрѣ та новая граница, которую предлагает противная сторона, способна хотя бы в минимальной степени обезпечить право на самоопредѣленіе русскаго народа. Мы выслушали сообщенія наших представителей в этой подкомиссіи и мы думаем, что послѣ продолжительных преній и разсмотрѣнія вопроса со всѣх необходимых точек зрѣнія, наступил час рѣшенія. Народы ждут с нетерпѣніем результатов мирных переговоров в Брест-Литовскѣ. Народы спрашивают себя: будет ли имѣть конец это безпримѣрно самоистребленіе человѣчества, вызванное своекорыстіем и властолюбіем правящих классов всѣх стран? Война давно перестала быть для обоих лагерей, если вообще, была, оборонительной войной.

Когда Великобританія завладѣвает африканскими колоніями—Багдагом и Іерусалимом, то это не оборонительная война, и когда Германія оккупирует Бельгію, Сербію, Польшу, Литву, Румынію и захватывает Моонзундскіе острова, то это—не оборонительная война. Это борьба за раздѣл міра; теперь это яснѣе, чѣм когда бы то ни было.

И в этой чисто имперіалистической войнѣ, гдѣ притязанія имущих классов явно и открыто оплачиваются человѣческой кровью,—мы не хотим болѣе принимать участія. Мы с одинаковою непримиримостью относимся к имперіализму обоих лагерей, и мы не согласимся проливать дальше кровь наших солдат в защиту интересов одного лагеря против другого.

В ожиданіи того—мы надѣемся—близкаго часа, когда угнетенные трудящіеся классы всѣх стран возьмут в свои руки власть, как это сдѣлал рабочій народ в Россіи, мы выводим нашу армію и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться на пашню, чтобы уже этой весной мирно обрабатывать землю, каторую революція из рук помѣщика передала в руки крестьянина. Наш солдат рабочій должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудія разрушенія, а орудія созиданія и совмѣстно с пахарем строить новое соціалистическое хозяйство. Мы выходим из войны. Мы извѣщаем об этом всѣ народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизаціи всѣх армій противостоящих нынѣ войскам Германіи, Австро-Венгріи, Турціи и Болгаріи. Мы ждем и твердо вѣрим, что другіе народы послѣдуют нашему примѣру. В то же время мы заявляем, что условія предложенныя нам правительствами Германіи и Австро-Венгріи, в корнѣ противорѣчат интересам всѣх народов. Эти условія отвергаются трудящимися массами всѣх стран, в том числѣ к Австро-Венгріи и Германіи. Народы Польши, Украйны, Литвы, Курляндіи и Эстляндіи считают эти условія насиліем над своей волей. По отношенію к русскому народу эти условія означают постоянную угрозу. Народныя массы всего міра, руководимыя политическим сознаніем или нравственным инстинктом, отвергают эти условія.

В ожиданіи того дня, когда трудящіеся всѣх стран установят свои нормы мирнаго сожительства и дружескаго сотрудничества народов, мы отказываемся санкціонировать тѣ условія, которыя германскій и австро-венгерскій имперіализм мечем пишет на тѣлѣ живых народов.

Мы не можем поставить подписи русской революціи под условіями, которыя несут с собой гнет, горе и ожесточеніе милліонам человѣческих существ. Правительства Германіи и Австро-Венгріи хотят владѣть землями и народами по праву военнаго захвата. Пусть они творят свое дѣло открыто. Мы не можем освящать насилія. Мы выходим из войны, но вынуждены отказаться от подписанія мирнаго договора.

Къ Анархіи.

Моя душа в священном пламени,
Святой восторг сдержать нѣт сил—
На распростертом черном знамени
Народ надежды начертил!

От старых дней—одни пожарища
Остались в смрадѣ и золѣ...
Вперед, друзья! вперед товарищи!
К свободѣ!—К раю на землѣ!

Побѣда воли, радость разума.—
Какое счастье впереди!
Мы, побѣдивши будем праздновать,
С весенней радостью в груди!

Крестьяне, воины, рабочіе,
Сбирайтесь всѣ под черный стяг!
За вами слово, ваша очередь,—
Пал на колѣни старый враг!

Юрій Хованскій.

У Грани.

Мы у грани послѣдних дерзаній
Грозный факел во мракѣ зажгли...
И из царства великих исканій
Пѣсню вѣчной борьбы принесли.

Ярко пламится факел багряный,
Смѣло борется с мрачною мглою,
И танцует трепещущій рдяно
Отблеск пламени пляскою злой.

Разрушенья свѣтильник прекрасный
Мы зажгли средь ночей міровых—
В пѣснопѣньях горячих и страстных
Пьем из кубка дерзаній святых.

Сѣверный Агасферъ.

погромы это русская особенность, Вездѣ, гдѣ начнется соціальная революція, погром будет неизбѣжен. Масса инстинктивно стремящаяся к свободѣ, совершенно правильно желает сначала испортить буржуазный механизм, чтобы устранить самую возможность экономическаго порабощенія. Помѣшать этому нѣт возможностей, а потому для людей мысли—два выхода: либо погибнуть либо идти с массами к анархіи.

Сдержать угнетенных от разгрома могло бы лишь устройство всемірной фабрики идіотов, к чему логически и приводит соціализм. Но массы уже раскусили это его внутреннее ядро.

II.

В самом фактѣ разрушенія всего уклада европейской культуры еще нѣт ничего страшнаго для этой культуры.

Кое—что даже полезно для нея. Умѣренный бунт, как прививка оспы, помогает государствам вырабатывать жизненные соки.

Развѣ страшны буржуазному строю уличный грабитель или индивидуалист, об'являющій весь мір своим достояніем? Для этих господ всегда нужен честный трактирщик, которому можно сбыть экспропріированное.

Они так же как „униженные и оскорбленные" всѣ в плоскости культуры. Либо требуют у нея, либо просят: дай. Умнѣе ничего не придумали.

Дай хлѣба, дай порядок, дай возможность работать. Выжми меня как лимон, но не выбрасывай за борт. Дай пріобщиться к твоим цѣнностям. Дай, дай, и дай. Европейская культура дает,—очень много дает. Но гдѣ благодарные и счастливые? Я не вижу их, а голодный вой становится все сильнѣе и сильнѣе. Молніеносная скорость машин не в состояніи выбросить столько благ, чтобы они хоть на мгновеніе могли удовлетворить разожженные аппетиты, которые становятся тѣм прожорливѣе, чѣм больше получают благ для своего удовлетворенія.

Разжиганію аппетитов я не вижу конца,—об этом заботится весь буржуазный механизм нашей культуры, а при разожженом аппетитѣ я не вижу мѣр и средств к прекращенію безпощадных, братоубійственных войн.

Анархическій индивидуализм, столь обласканный в буржуазных салонах, вмѣсто «дай» кричит Богу, государству и европейской культурѣ: берегись, расшибу!

Тѣ и берегутся,—штопают слабыя мѣста. «Единственные» Штирнера не страшны живущим на процентныя бумаги. Во первых они удовлетворяются сравнительно небольшими подачками, а во вторых ничего не собираются дать на смѣну строю буржуазному. В конечном счетѣ они хотѣли бы его разрушить, но разрушеніе не есть рѣшеніе вопроса для живых людей.

Ни накормить, ни сдѣлать счастливыми оно не может их.

Жизнь движется творчеством.

И здѣсь то анархизм дает великое откровеніе.

Провозглашая немедленную смерть буржуазному строю, и призывая к полному и безпощадному уничтоженію всѣх видов насилія человѣка над человѣком, анархист прежде всего дѣлает великій переворот в своей душѣ.

Он говорит:

Из нищаго хныкающаго «дай», из ротозѣя ожидающаго, что кто-то будет класть ему в рот галушки, из пушечнаго мяса имперіалистическаго или соціалистическаго прогресса, я превращаюсь отнынѣ в щедраго богача, который дает и не расчитывает на благодарность.

Я начинаю с того, что рву фальшивые векселя. Ни Бог, ни вселенная, ни государство, ни человѣчество мнѣ ничего не должны, равно и я им. На секунду я воображу, что нахожусь в пустынѣ, гдѣ должен воздвигнуть и милых мнѣ друзей и радостныя формы жизни и даже вселенную.

Это кажется смѣшным, пока мы еще не освоились с мыслью, что «я» личность «микрокосм» не могу проглотить «нѣчто», которому сейчас подчиняю свои цѣли и стремленія и вырости до границ вселенной.

Прежде чѣм в моих словах (не говоря уже о поступках) появится намек на этот рост, раздастся звук полицейскаго свистка и улюлюканіе вѣрных рабов прогресса.

Он, скажут они, хочет убить, ограбить нас разрушить наши законы... Словом непремѣнно нарисуют себѣ подозрительную личность в драном пальто, засаленой фуражкѣ с револьвером в руках,—удешевленное изданіе Раскольникова, который хочет себѣ «все позволить».

Когда европейская культура будет разрушена, по истинѣ образуется пустыня, в которой не о позволеніи может идти рѣчь, а только о творчествѣ.

Творцы же щедры.

Я не видѣл художник, который съ жадностью складывал бы свои картины въ подвал, не знаю писателя, который не стремился бы отдать первому встрѣчному сокровища своей души, не знаю изобрѣтателя, который подчас цѣною своей жизни не хотѣл бы облагодѣтельствовать человѣчество.

С меня достаточно будет сознанія своей силы и того, что я щедр,—заявляет анархист.

В качествѣ творца я прежде всего постараюсь сдѣлать себя отвѣтсвенным за все, что происходит вокруг меня и если твердо рѣшил рости до объема вселенной, то сдѣлаю себя отвѣтственным и за всю вселенную.

Всѣ уничтоженные своды законов по которым карается и сдерживается личность я перенесу внутрь себя, чтобы они не мѣшали моему творчеству. Если я на одну чашку вѣсов бросаю культуру буржуазной Европы, проглатывающую меня, то на другую я кладу свою творческую личность, которая должна проглотить ее.

А когда будут говорить о моем ничтожествѣ и фантастичности моей затѣи, я лишній раз вспомню о безумцах преступавших закон и пророках.

Их было так много и жертвы их так велики; что нам быть может к сожалѣнію не придется нести своей жертвы, а спокойно идти протореным ими путем.

В новую жизнь я не понесу обломков старых богов и не буду ждать, что кто то особым декретом объявит начало новой жизни.

Я сам начну и сам водружу скрижали третьяго анархическаго завѣта.

Они гласят:

1) Я нигда ни у кого ничего не буду просить, ибо ни у кого ничего нѣт и никто ничего мнѣ не должен.

2) Я буду щедрым творцом новых цѣнностей.

3) Меня не ограбят, ибо я не нищій которому что нибудь нужно.

4) Мнѣ ничто не мѣшает, ибо старые боги повержены в прах.

5) Я не боюсь распылять в мірѣ свою творческую душу, ибо знаю, что она вернется ко мнѣ сто крат обогащенной. Мір будет принадлежать мнѣ постольку, поскольку я буду входить в него, как творец.

6) Я не вижу конца этому вхожденію, а стало быть нѣт конца моей радости. Только на этом пути лежит истинное сліяніе людей в братскій союз не только друг с другом, но и со всѣм міром.

И. Семенов

Резолюція

О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТѢ, ПРИНЯТАЯ НА ОБЩЕМ СОБР НІИ ЗАВОДА „ТРЕУГОЛЬНИК", 29-ГО ЯНВАРЯ 1917 Г.

Мы, рабо іе завода Треугольник, заслушав докладчиков на тему о контр-рев. выступленіях в св зи с текущим моментом постановили; Всѣ контрреволюціонныя выступленія должны подавляться самыми безпощадными мѣрами и мы, рабочіе, должны сдѣлать все для защиты революці?

1—Требуем полнаго вооруженія вс х рабочих Петрограда, а также и нас, находящихся в «Треугольникѣ».

2—Закрыть всѣ буржуазные игорные клубы, которые являются гнѣздами контр-революціонеров.

Предсѣдатель В. РЕБРОВ.
Секретарь Е. ИВАНОВ.

Резолюціи

принятыя на собраніи Гельсингфорской федераціи анархистов коммунистов 21 янраря 1917 года.

I.

18 декабря 1917 г., согласно 1-му пункту резолюціи Гельсингфорской группы анархистов, об'единяющей матросов, солдат и рабочих, постановила: армія и флот должны быть распущены в полном вооруженіи, вплоть до пулеметов.

Со дня опубликованія резолюціи прошло болѣе мѣсяца, но в жизнь этот пункт революціи не только не прошел, а встрѣтил и встрѣчает сопротивленіе со стороны Власти.

Ввиду этого, Гельсингфорская группа анархистов призывает всѣх товарищей матросов и солдат категорически отказываться увольняться без оружій, т. к., оружіе всюду имѣется в достаточном количествѣ.

II.

Выслушав заявленіе товарищей о том, что «Мѣстный Флотскій комитет», отказывается выдавать хлѣб для столовой клуба гельсингфорских анархистов мотивируя это недостатком продуктов, усматривает в дѣйствіях флотскаго комитета желаніе парализовать дѣятельность столовой, гдѣ питаются сотни неимущих, а потому выражает свой протест флотскому комитету, тѣм болѣе, что столовая офицерскаго клуба получала продукты, и заявляет, что если и в дальнейшем флотскій комитет обнаружит ту-же линію поведенія по отношенію гельсингфорской федераціи анархистов, собраніе вынуждено будет принять самыя рѣшительныя мѣры, не считаясь с их мѣрою.

III.

Заслушав доклад т. Полевого о послѣдних событіях в соединенных Штатах, разстрѣлах, самосудах и приговорѣ невинных людей и каторгѣ и смертной казни, также об арестах русских эмигрантов, мы, матросы, солдаты и рабочіе собравшіеся на многолюдном митингѣ в г. Генсильфорсѣ, требуем немедленнаго освобожденія всѣх Русских эммигрантов и свободнаго проѣзда их в Россію. Мы заявляем, что не выпустим ни одного американскаго буржуя из Россіи до тѣх пор, пока всѣ русскіе, в том числѣ Александр Беркман и Томас Муни, не будут освобождены. Всякое промѣдленіе с освобожденіем русских революціонеров из Америки принудит нас примѣнить по отношенію американских буржуев самые рѣшительные и реальныя способы воздѣйствія, включительно до террора.

Федерація анархистов-коммунистов.

К товарищам!

Товарищи, рабочіе, солдаты, крестьяне! „Рабочее Знамя"—ваша газета—вы сами должны писать в ней. Присылайте статьи, замѣтки, сообщайте все, что дѣлается у вас на фабриках, заводах, мастерских, в казармах, в селах.

ПО РОССІИ.

Конфискація домов.

ХАРЬКОВ. 22-го января Исполнительным Комитетом Совѣта Р. и С. Д. был принят проект комиссіи, избранной на митингѣ бездомных, о конфискаціи домов. Основные принципы этого проекта: во-первых, частная собственность на дома, имѣнія и земли отмѣняется, во-вторых, всякая продажа и заклад недвижимаго имущества воспрещается, в-третьих, вся обстановка в домах берется на учет, с цѣлью предоставленія ея всѣм нуждающимся жильцам; от платы за квартиру освобождаются: во-первых, матеріально необезпеченныя и нетрудоспособныя лица, во-вторых, безработные, на время безработицы, в третьих, бѣднѣйшія семейства, и в четвертых, нуждающаяся учащаяся молодежь.

Муниципализація кинематографовъ.

КОСТРОМА. Вчера городская дума голосами большевиков постановила муниципализировать кинематографы. Меньшевики и кадеты настаивали на выкупѣ по справедливой оцѣнкѣ, но их предложеніе провалилось. Кинематографы переходят к городу без выкупа; таким же порядком муниципализированы торговые ряды.

Вооруженіе крестьян.

На крестьянском съѣздѣ Западной Россіи принято постановленіе немедленно приступить к вооруженію крестьянства и разоруженію буржуазіи.

Вооруженіе проводится Уѣздными Совѣтами Крестьянских Депутатов. Оружіе дается только честным, безукоризненным людям готовым не щадить своей жизни для Революціи и блага трудового народа.

Съѣзд постановил требовать от революціонной ставки немедленно выдать Губернскому Исполнительному Комитету Совѣта Крестьянских Депутатов 15.000 винтовок со всѣм снаряженіем их и пулеметами для распредѣленія.

20.000 лошадей для крестьян.

ТОМСК. В томском совѣтѣ раб. деп. получена телеграмма от помощника комиссара по военным дѣлам об отправкѣ в распоряженіе совѣта 20 тысяч лошадей с западнаго фронта и стольких же лошадей с сѣвернаго фронта для передачи бѣднѣйшим крестьянам.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Среди безработных.

К имѣющимся в настоящее время профессіональным союзам рабочих прибавляется еще один союз; это—союз безработных. Все увеличивающаяся безработица заставила безработных подумать об организац и. 19-го января в домѣ Труда состоялось первое организаціонное собраніе безработных солдат, возвратившихся с фронта. Присутствовало свыше 200 человѣк. Засѣданіе продолжалось нѣсколько часов. Как на мѣру борьбы с безработицей указывалось на необходимость; 1) сбора 1% отчисленія со всѣх рабочих, имѣющих заработок для созданія фонда безработных, 2) замѣны по возможности женскаго тру а мужским трудом и 3) обложенія имущих классов. В результатѣ преній собраніе пришло к со анію необходимости избранія организаціонной комиссіи для созданія союза безработных и разработки устава. В указанную комиссію избраны 10 человѣк.

На революціонных ф онтах.

Из Харькова по прямому проводу за подписью Антонова получены двѣ телеграммы: «Совѣтскія вояска разбили калединцев под Таганрогом и в Каменской. Таганрог взят. Станціи Лихая, Звѣрево, Сулим на пути к сѣверу от Новочеркасска заняты побѣдоносными революціонными войсками».

В Новочеркасскѣ и в Ростовѣ смятеніе. С юга к Ростову двинуты полки кавказской арміи. Наступленіе братских об'единенных войск трудового казачества и совѣтских продолжается.

Во всем Крыму контр-революціонныя войска разбиты. В Одессѣ восторжествовала красная гвардія.

В Финляндіи.

Финляндскій народный коммиссаріат издал декрет об отмѣнѣ смертной казни в Финляндіи.

За границей.

В Германіи.

Судя по агентским телеграммам возстаніе рабочих в Германіи пріостанавливается. Германское правительство не останавливается пред примѣненіем самых строгих мѣр к возставшим. Вся Германія об'явлена на осадном положеніи. Идут многочисленные аресты, усиленно работают военные суды. Предстоят казни. Эти сообщенія подтверждаются полученной в Смольном телеграммой от К. Радека, в которой он сообщает, что забастовка кончена и правительство капиталистов и юнкеров осталось у власти, а совѣт рабочих депутатов разогнан полиціей. Депутат—товарищ Дитман, один из вождей рабочаго совѣта предан суду.

Въ Италіи.

Революціонное движеніе разростается. Весь юг охвачен им. По слухам начинается забастовка на желѣзных дорогах.

В Испаніи.

В Мадридѣ и Барцелонѣ забастовки. По полученным свѣдѣніям в Мадридѣ пріостановилось трамвайное движеніе. Электрическая станція не работает.

Рабочая жизнь.

27 января, находящійся на Петорвском островѣ пивоваренный завод «Баварія» перешел в руки рабочих. В свои же руки рабочіе взяли завод парусиновых издѣлій Кебке и лѣсопильный завод.

Работы на Путиловском заводѣ налаживаются. Нѣкоторыя мастерскія полностью пущены в ход, нѣкоторыя частъю но. По мѣрѣ поступленія топлива всѣ мастерскія будут пущены в ход.

Согласительная комиссія при обществѣ фабрикантов и заводчиков выработала условія расчета служащих закрываемых торгово-промышленных предпріятій. В числѣ условій содержится: предупрежденіе за мѣсяц до увольненія, выдача жалованья прослужившим до одного года—мѣсячный оклад;от 1 до 3-х—двухмѣсячный и т. д.

Комиссаріатом труда издано распоряженіе согласно которому «при закрытіи предпріятій и рсчетѣ рабочих взимается с предпринимателей во Всероссійский фонд безработных установле ные страховым Совѣтом 4% для не сезонных работ и 6% для сезонных работ со всей выплачиваемой рабочим суммы.

Дабы уменьшить безработицу Совѣт Нар. Комис. намѣревается предоставить заводам большіе казенные заказы преимущественно на изготовленіе сельско-хозяйств. орудій.

На общем собраніи рабочих Металическаго завода Барановсаго, состоящем 20-го января была принята резолюція, согласно которой рабочіе завода требуют немедленнаго расчета, съ уплатою за простой съ 22 декабря 1917 г. по 1 февраля с. г. минимальнаго заработка, согласно заготовленным тарифным нормам, а также уплаты вперед за шесть недѣль средняго заработка.

Хроника.

Совѣт Народных Комиссаров принципіально рѣшил признать с 1-го февраля службу во флотѣ вольно-наемной.

Народным комиссаріатом по военным дѣлам издан приказ о сохраненіи всѣх авіаціонных частей и школ для трудового народа.

Редакціонная Коллегія:

Александр Ге,
А. Карелин,
Ѳ. Куклярскій,
Н. Солнцев.

ОБ'ЯВЛЕНІЕ.

Московскій район АНАРХИСТОВ КОММУНИСТОВ устраивает лекцію, в столовой фабрики СКОРОХОДА 30 января в 7 час. вечера. Лекцію прочтетъ делегат Иркутской Федераціи А. ГРИГОРЬЕВ на тему: «Анархія и ея задачи в данный момент». Вход свободный.

15-го февраля выйдет в свѣт

№ I-й

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО

НАУЧНАГО И ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

„АНАРХІЯ",

при участіи М. Андрюнина, Б. Верхоустинскаго, Александра Ге, А. Григорьева, Мамонта Дальскаго, Е. Долинина, Рабочаго Жака, А. Карелина, А. Кочегарова, Ѳ. Куклярскаго, Овода, Піо—скаго (Безвластьев), Г. Сахновскаго, Н. Солнцева, Н. Фамулевича, А. Федорова, Р. Э. и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ БУДУТ СООБЩЕНЫ.

Требуются газетчики

НА ЛЬГОТНЫХ УСЛОВІЯХ

ОБРАЩАТЬСЯ:

Гороховая, 42, экспедиція газ. «Рабочее Знамя».